

Смокуновский Иннокентий Михайлович

17.5.2000.

Веч. Москва - 2000 - 17 мая - с.5

Фамилия Мышкина была Христос

Во МХАТе им. Чехова показали изумительный документальный фильм об Иннокентии Михайловиче Смокуновском «Воспоминания в саду», снятый венгеркой Анной Гереб. Она просто усадила Смокуновского перед камерой, а теперь передала России этот фильм в благодарность за то, что «Россия подарила миру Смокуновского».

Ольга ФУКС

Его глаза

Начало октября 93-го года. Залитый солнцем зеленый сад в Венгрии. Под деревом — скамеечка, деревянный столик, на нем десятки фотографий, которые Иннокентий Михайлович в белой рубашке (он очень любил белые рубашки) перебирает и комментирует. Роли, партнеры, режиссеры, одежда, внешность. В отрочестве у Смокуновского были совершенно буйные рыжие кудри и огромные веснушки — «мухами засиженное лицо». Потом «все веснушки ушли куда-то на спину и в... стал сер». А глаза — совсем наивные, и взгляд все время куда-то вверх. «Хотя, когда в этом возрасте такие глаза, это уже граничит с некоторым идиотизмом. Что, возможно, сыграло свою роль, когда меня пригласили играть Мышкина».

Глаза Смокуновского Георгий Товстоногов увидел в фильме «Солдаты» («А эту роль я играл... хорошо. Я решил, что ничего не буду играть, а буду выучить: «Как-как, Свиштуновский?» Однажды на репетиции мэтр неожиданно завопил: «У него Его глаза!». Все актеры и

помощники подобострастно вытянулись, силясь понять, у кого чьи глаза. В общем, у Смокуновского были глаза Мышкина. Иннокентия Михайловича зазывали к Товстоногову довольно долго — Смокуновский уже периодически снимался и даже что-то зарабатывал и потому не торопился расставаться с независимостью. Когда Смокуновский наконец появился в БДТ, вся труппа уже слонялась по коридору и при появлении будущего Мышкина заглядывала ему в глаза и комментировала вслух, передавая впечатления по цепочке, отчего глаза непроизвольно увеличивались. Когда Смокуновский зашел в «предбанник» кабинета Товстоногова, где сидела его знаменитая завлитша Дина Морисовна Шварц, та только пискнула: «Ой, глаза!» и зажмурилась, как от солнца. Смокуновский миновал приемную, вошел в святая святых и вместо «Здравствуйте» услышал: «У вас что, всегда такие глаза?»

Смокуновский рассказывает о своем Мышкине так: «У Достоевского в первоначальном варианте у него была фамилия Христос, но редактор убедил писателя в том, что и так все поймут, что Мышкин — Бог. А потом эта человеческая гармония начинает разрушаться и в конце Мышкин — совер-

шеннейший идиот (Смокуновский показывает, как течет слюна). Скот!» (И его начинают душить слезы.)

Кто ты?

Военных фотографий у Смокуновского фактически нет. «Если у человека есть военные фотографии, значит, он не был на передовой. Значит, он не воевал, а снимался». Иннокентий Михайлович воевал на Курской дуге («Правда, я попал туда не в самое пекло, но все равно — не другу бы своему не пожелал»). Из ста двадцати пяти человек в живых остались четверо. «Я чувствовал, что меня хранил Бог. Однажды мне, мальчишке, дали 30 рублей, чтобы я отнес их на ремонт храма. Мне тогда в месяц давали, быть может, рубль, а тут целых тридцать. Я думал было оставить их себе — тогда бы я смог есть мороженое с утра до вечера и быть самым счастливым человеком». Но как-то неожиданно он очутился около церкви с зажатой тридцаткой в кулаке, весь в смятении. Зашел в церковь, сам не помнил, как отдал эти тридцать рублей какой-то тетеньке, сказал — на ремонт, она просто взяла, и все. И вдруг ему стало очень хорошо... Смокуновский был уверен, что именно поэтому выжил на войне.

Он попал в плен, бежал оттуда («когда-нибудь я обязательно об этом напишу»). Бежал, потому что любой конвоир мог пристрелить его без всякого повода. Пробирался обратно, сторонясь больших дорог, попал в украинскую деревню Дмитровку с дизентерией и дистрофией. В бане его отмывали украинские девушки. «Я был молодой, они были молодые, только я был совсем без сил, а у них сил было в избытке», — Иннокентий Ми-

Каждый раз, гримируясь под Иудушку Головлева, Смокуновский выглядывал из окна и наблюдал, «как публика идет посмотреть на плохого человека»

хайлович улыбается очень смущенно и чуть лукаво. Отлежался в комнате, где было... зеркало, очень чистое. Смокуновский сначала принял его за окно и все время спрашивал: «Кто ты? Что тебе надо?» у паренька с ввалившимися глазами. Он до этого около года не смотрелся в зеркало.

Что вы с ним возитесь?

Как-то уже в мирное время ему объявили, что после плена он не имеет права жить в 39 городах СССР — «виноват перед Родиной, не застрелился (шутливый выстрел из пальца в висок). Если бы меня арестовали за то, что я честно воевал, я бы что-нибудь с собой сделал. Но я уехал работать в самый северный театр мира — в Норильск. Вот видите — я в лыжном костюме. Про Норильск говорят, что в июне там еще холодно, а в июле — уже холодно. Вот я и ходил в лыжном костюме».

В этом же лыжном костюме Смокуновский потом ходил по московским театрам показываться. Свежей белой рубашки, да и вообще белой рубашки у него тогда и в помине не было. Увидев этот костюм и, соответственно, глаза, ему быстренько и деловито отказывали (Смокуновский показывает, как бегали глаза москвичей, прячась чуть ли не за спину).

Саркастичный и цепкий взгляд Смокуновского порой бывал беспощаден. Хорошее и плохое он помнил одинаково, впитывая и то, и другое, так сказать, в комплекте. Смокуновский вспоминает, как однажды Михаил Козаков сказал про него, страшно волнующегося, Михаилу Ромму: «Что вы с ним возитесь?» На что Ромм ответил: «Может, он так волнуется именно потому, что ему есть что сказать». «Когда встречаешь таких людей, как Ромм, думаешь, что надо, пожалуй, становиться человеком и тебе».

Судил себя по собственному гамбургскому счету. К знамени-

тому фильму «Гамлет», объездившему весь мир, относился скептически. «Он доставил мне много приятных минут потом. Но если бы Григорий Козинцев чувствовал ответственность не только перед материалом, но и перед временем (голос Смокуновского звучит почти гневно), какой бы мог получиться фильм!!!» И тут же шаловливо признается, что «Гамлета» до съемок вообще не читал. Посмотрел две плохие, на его взгляд, постановки — в Красноярске и в Москве у Охлопкова, решил, что Гамлет — этакий «балетный» герой, и махнул на него рукой. К своей собственной вершине — князю Мышкину — подводит близко только царя Федора Иоанновича (ставил Борис Равенских — «замечательный русский режиссер») и Иудушку Головлева (ставил Лев Додин — «гений»). Потому что в этих ролях ему удавалось «не играть, а быть», и потому «это было... хорошо. Снова я говорю какие-то громкие слова, но что поделаешь, если так и было».